

18+

ЭФИР

Дмитрий Петелин

Дмитрий Петелин

Эфир

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57438489

ISBN 9785005135728

Аннотация

Петя – поразительно скучная личность: студент, учится посредственно, талантами не блещет, финансами тоже. С девушками не везет катастрофически. Неожиданно старый друг предлагает Пете поработать ночным диджеем на радио. Петя соглашается: работа не пыльная. К тому же вскоре выясняется, что диджеями, даже ночными, интересуется прекрасный пол. Но есть одно «но». Пете начинает казаться, что по ночам, когда он остается на радио один, там появляется кто-то еще. Несмотря на закрытые железные двери. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Эфир	5
Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	32
Глава 5	40
Глава 6	41
Глава 7	46
Глава 8	53
Глава 9	65
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Эфир

Дмитрий Петелин

© Дмитрий Петелин, 2020

ISBN 978-5-0051-3572-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эфир

*Невозможно хаос победить.
Он ждет нас повсюду:
на столе, под столом,
под шкафом и на шкафу,
на кровати и под кроватью...
и на других вещах...
Лева Петелин, 5 лет*

Глава 1

Не знаю, у кого как, а у меня полно вопросов. По поводу вообще всего. И, чем взрослее становлюсь, тем их больше. Ответов, понятно, нет. Сейчас мне двадцать один, и я уже вообще перестал что-либо в этой жизни понимать.

Самое большое недоумение вызывает любовь – с ней все совсем плохо. Единственное, что есть более-менее понятно-го в любви, это фраза «давай останемся друзьями». Каждый раз, когда я её слышу, чувствую себя как втулка от туалетной бумаги, которая умеет растворяться в воде: «Просто смойте меня в унитаза». И да, это вполне понятное и конкретное ощущение.

В остальном же... Сколько девушек мне сказали «давай останемся друзьями» хотя бы за последние пару лет? Я ведь

был уверен, что влюблен в каждую из них. Я носил им цветы, дарил всякую фигню, писал стишки. Отвратительные, конечно, но все же. Я не спал по ночам, худел из-за потерянного аппетита. А что сейчас? Вероятно, не получится даже всех их вспомнить и расставить в хронологическом порядке. Мы можем встретиться где-то, поздороваться, поболтать или просто не заметить друг друга. И нигде ничего даже не екает. Так вот, это была любовь или нет? Может страсть? Боже, какая невероятная пошлость...

– Это просто недотрах, – резюмировал Степа, когда я поведал ему свои мысли, – если бы ты просто получал удовольствие, а не компостировал девкам мозги, всё было бы окей.

Мы сидели в баре и занимались самой распространенной в наших широтах терапией – пили. Толку от этой терапии, конечно, никакого, но почему-то всем она очень нравится. Положено пить крепкий алкоголь: водку, виски или коньяк, но меня такие напитки просто убивают. И не в том смысле, что я превращаюсь в пьяное неуправляемое животное, а в том, что организм мой слабоват для такой терапии. Блевать я несусь раньше, чем успеваю как следует запьянеть, поэтому напиваюсь обычно пивом. Сколько мне надо и в каком темпе, я давно уже знаю, так что при помощи этого напитка медленно, но верно я всегда достигаю нужного состояния, не загадив ботинки и не уснув лицом в салате.

Вообще-то я хотел входить в нирвану дома, но Степа сказал, что это бытовой алкоголизм, а бытовой алкоголизм –

вещь безнадежная. По этой причине пить надо в каком-то заведении.

– Надо к людям идти! К людям! – повторял Степа снова и снова после каждого моего фиаско.

И мы шли в какое-нибудь заведение. И сейчас тоже пошли. Я рассказывал своему лучшему другу про Наташу, про то, как всё замечательно складывалось и как неожиданно закончилось.

– Почему? – спрашивал я Степу пьяным голосом. – Почему?

Степа расплывался у меня в глазах и отвечал:

– Петя, я её сам не знаю. Только по твоему рассказу. Но и так понятно, что она просто хотела потрахаться с чуваком с радио. Для коллекции типа. Хотела и потрахалась. Вот и всё. Ты не при чем.

– Это т-точно, – согласился я угрюмо.

– Вот в этом твоя главная проблема, – говорил Степа. – Нет, чтоб радоваться: во, какая девка на мне прокатилась! А ты тут сопли развозишь.

– Так ведь... как же теперь?

– Да никак! Эта ушла, другая придет. Та, которая твоя, никуда не денется.

– Не путай меня с собой. Это у тебя не денется. А у меня еще как денется.

Что такое быть неудачником, Степа не знал. Это он предлагал остаться друзьями, а не ему.

– Не денется! Вот давай прямо сейчас найдем тебе еще одну!

– Не хочу еще одну. Хочу Наташу.

– Так, не ной.

Я уже знаю, чем это кончится. Степа познакомится с двумя барышнями и уведет их обеих. Или одну уведет, а вторую отправит на такси домой, чтоб не мешалась, потому что она ему «не очень», он ей – «очень», а я ей – «никак», и мне всё равно ничего не обломится. На фоне Степы я похож на младшего брата, который увязался за старшим и теперь путается под ногами. Слабый пол млел от Степиного роста, уверенности и бешеного напора. Его тут же становилось слишком много. Я пытался юморить, но Степа меня просто заглушал; я ходил в качалку, но добился только одного – стал дохляком со смешными бицепсами. Степа, ничем не занимаясь, имел сложение античного атлета; я пытался давить на интеллект, но тогда уже Степа начинал юморить, и так до бесконечности. Всё это он делал совершенно бессознательно. Но не сказать, чтоб от этого было легче.

Алкоголь все сильнее затуманивал мне мозги. Считаешь, что проблемы при этом должны разрешаться практически сами собой. В моем случае они только становились менее внятными, но не менее мучительными. Как будто у тебя заноза, которую надо вытащить, а ты не можешь понять: то ли она в указательном пальце, то ли в пятке, то ли еще где.

Я закрыл глаза только на секунду, ну чтобы моргнуть... а когда открыл, обнаружил, что Степа уже усаживает за наш столик двух неизвестных мне дам.

– Та-ак, – приговаривал Степа, – присаживайтесь. Вот этот парень.

Девицы представились. Лена и Катя. Вроде их было только две, одна брюнетка, вторая блондинка, но я всё равно запутался. Не знаю, что Степа им наплел, но они смотрели на меня с интересом.

– Егор, – сказал я.

Степа лягнул меня под столом.

– Петя.

Потом Степа начал городить свою обычную историю: «Мы диджеи с радио. Хотите, привет вам завтра в прямом эфире передадим? Да, конечно, песню поставим. Нет, Овсиенко у нас нет в фонотеке, зато есть „Летние слезы“, последний хит. Какая волна? 106 и 4. В прямой эфир? Конечно, можно! Да чего мелочиться, хотите как-нибудь в гости зайти?» Ну и так далее. Степа приобнял двух девиц одновременно и начал заливать про то, что Петя к тому же не просто диджей, а ночной диджей.

«Это такая особенная должность: надо одновременно спать и радио слушать. А в случае Степы – еще и трахаться. Да-да, всё одновременно. Охо-хо-хо. А вообще, если серьезно, у Пети работа опасная. Шторм недавно ночью был, помните? Еще по телеку показывали, полгорода затопило, деревья ветром с корнем нафиг выдирало, тачки переворачивало. Так вот, Петя во время этого шторма на смене был, выскочил на крышу и держал антенну голыми руками! Чтоб её ветром не унесло и чтоб эфир не пропал. Потому что, самое главное в нашей работе, знаете, что? Чтоб не было ти-

шины! Шоу маст гоу он, понимаете? Радио должно работать всегда. Это наш долг! А там на крыше черт знает что творилось! Ветер ревет, дождь сплошной стеной, гром гремит, молнии кругом хреначат, а Петя держит! Одна молния рядом ударила, вторая рядом ударила, а Петя всё держит! А потом, представляете, прямо в Петю молния ка-аак...»

Степа треснул бокалом по столу так, что бармен из-за стойки крикнул: «Э, полегче там!».

Но Степу было уже не остановить. Девицы, открыв рот и окончательно перестав понимать, что происходит, слушали про то, как Петя пережил удар молнии, благодаря железным яйцам, которые сработали как громоотвод.

Тут я отключился от этого белого шума и погрузился в грустные пьяные мысли о своей нелегкой, несправедливой судьбе.

На самом деле я был уверен, что на мне лежало «проклятие Медсестры» – так я его называл.

Когда-то, когда я только начал интересоваться девочками, ну скажем в шестом классе. Или пятом? Или восьмом? Или к тому времени я уже интересовался... В общем, попал я в больницу с аппендицитом. Операция правая, пока мама ездила домой за зубной щеткой, кружкой и сменным бельем, меня разрезали, нашли лишний орган, удалили его, зашили меня назад и залили йодом от груди до коленок.

Отходняк от наркоза, наверное, сопоставим с приходом наркомана. Я веществ никогда не употреблял, но подозре-

ваю, что так и есть. Соседи по палате рассказывали, что я показывал «фак» медсестрам и матерился, они смущались и говорили: «Ой, а такой хороший мальчик...» Потом я засыпал, опять просыпался, матерился, засыпал и так несколько раз. Всю ночь после этого я безостановочно блевал.

Две недели я пролежал в больнице и увидел много нового. Увидел деревенских пацанов, которых сдавали в больницу родители, чтоб пару недель поэкономить на еде. Они в столовке набивали хлеб в карманы, про запас. Тогда я осознал, что живу довольно неплохо. Можно даже сказать, с некоторыми излишествами. Увидел уборщиц, которые испытывали к только что прооперированным и перепуганным детям такие же чувства, как надзиратели на Колыме к политзаключенным. Помню, мудрая мама принесла тогда пакет с конфетами, сказала подарить их самой злобной уборщице и поздравить её с Красной горкой. Я так и сделал. После этого она орала во всех палатах, кроме нашей.

Еще я узнал, кто такие медсестры. Узнал, что укол они могут поставить быстро и небожно, «хлопком», а могут медленно вводить иглу, как положено, – и будет больно. Это, собственно, и был главный критерий оценки медсестер. Шпана, обитавшая в палате вместе со мной, имела свой взгляд на медсестер. Их интересовало больше, что у них надето под халатом. Вернее, они страстно надеялись, что ничего. Нетрудно догадаться, что главной доблестью было заглянуть в вырез халата, пока тебе делают укол. Но я тогда

действительно числился хорошим мальчиком и такого себе не позволял.

Короче говоря, впечатлений полно. И на фоне всего этого я встретил Галю. У неё была какая-то благородная птичья фамилия... Орел... Лебедь... Сокол..., не помню. В общем, девочка мне понравилась, мы много болтали, ходили друг к другу в гости в палаты, играли в карты. Я был уверен, что, когда мы выйдем из больнички, она станет моей девушкой.

Но нашему счастью не суждено было сбыться: всё испортило «проклятие». Галю выписали неожиданно раньше меня. То, что моя подруга уходит, я узнал случайно, услышав, как она в коридоре прощается с медсестрами. Я не совсем понял, почему Галя не зашла попрощаться, ведь она уже почти моя девушка.

Придерживая защитный бок, я выскочил в коридор и побежал за ней. Вернее, поковылял, держась за стену. Я звал её, но она не слышала. Тогда я позвал громче, уже на выходе Галя остановилась.

И тут из-за спины до меня донесся шепот медсестры:
– Жалко парня, так и будет всю жизнь бегать.

Вот, собственно, этой фразой можно описать всё моё существование, начиная с того самого момента. Бегаю... а они спокойно уходят. А я бегаю. И меня даже жалко. Такое вот «проклятие Медсестры».

И, что характерно, это говорила добрая медсестра, которая ставила уколы «хлопком», небольно.

– Ох, Петя-а-а... – неожиданно встрял Степа.

Кажется, в какой-то момент я перестал думать и начал говорить. Да так, что заткнул Степин фонтан. Лена и... как её там... куда-то испарились. Передо мной сидел один Степа, уже заметно окосевший.

– Ну, по крайней мере, тебя можно поздравить, – он поднял бокал, – как мы недавно узнали, теперь ты не только бегаешь, но и догоняешь!

Степа захохотал и долбанул своим бокалом по моему.

– Даже не-эт. Подожди... За тобо-ой бегают!

Степа еще раз попытался разбить мой бокал своим и продолжил хохотать.

Бармен орал, чтобы мы выметались, мой друг ржал, как конь, и дразнил бармена, я сдерживал рвотные позывы и, наткаясь на стулья, бесконечно долго брел к выходу.

Глава 2

– «Но и догоняешь...» Верно подмечено, – усмехался я на следующее утро, пока чистил зубы и разглядывал в зеркало свою опухшую физиономию.

А ведь и правда, после того, как Степа притащил меня на радио, что-то изменилось. Говорят ведь: ты – это то, чем ты занимаешься... Или нет, ты это не твои вещи, не твоя работа, ты это... Нет, это не то, это вообще из Бойцовского клуба. Ты – это... В общем, черт с ним.

Скажем прямо, до радио я был просто неудачником-студентом. Жил в провинциальном городе, куда приехал на учебу из еще более провинциального города. На стипендию кое-как тянул, но в целом в науках не блистал, как и во всем остальном. Жил в задрипанной съемной однушке, за которую платили родители. К однушке прилагался отвратительный наглый дед-хозяин. Он любил припираться в субботу в семь утра, чтоб взять инструменты с балкона. Или забрать пустые банки с антресолей. Или проверить, не потекла ли опять труба под раковиной на кухне. При этом дверь он открывал своим ключом, по-хозяйски заходил в квартиру и спокойно шел заниматься важными делами. Денег он, правда, брал меньше, чем остальные, поэтому приходилось терпеть.

Дед, наверное, втайне жаждал во время такого рейда за-

стать обнаженную девицу, возлежавшую, разметав одеяла и простыни, на его заплесневевшем диване.

«Ну должен же был этот студент кого-то когда-то привести!»

И тогда дед, хотя бы краем глаза, хотя бы на секундочку, но смог, в последний раз перед инфарктом, взглянуть на юные розовые прелести. Но не тут-то было! Выкуси, старый хрен!

Юные розовые прелести обходили меня за километр. «Проклятие Медсестры» работало как часы.

И так продолжалось, пока не появился мой школьный друг Степа и не позвал меня работать на радио. Мы оба знали, что живем в одном городе, но почему-то очень долго наши дорожки не пересекались. А когда пересеклись, Степа за кружкой пива сказал:

– Петя, нужен человек нам на радио. Ночной диджей. Пойдешь?

– Ты че? У меня голос противный. Какой из меня диджей?

– Да ты не ссы. Это так называется только «ночной диджей». В основном, это... ну... вроде как, сторож.

– Вроде как?

– Ну это же радио. Радио «Мечта»! «Радио „Мечта“ – любовь повсюду!». Улавливаешь? Там не может быть сторожа. Поэтому – ночной диджей. «Зэпэ» – четыре с половиной. Бонус – охрененный вид из окна!

– Ну, не знаю...

– Че ты не знаешь?! Приходишь, спишь там, получаешь четыре с половиной косяря! Че тут знать?

Само собой, оказалось, что на работе придется не только спать. Кроме раскладного дивана, из орудий производства у меня были: диджейский пульт, компьютер, телефоны, магнитофон с радиоприемником, видеофон и бронированные двери.

Непосредственно работа заключалась в том, чтобы следить, чтоб всё шло нормально. Хочется сказать, следить, чтоб никто не влез, ничего не украл и всякое такое... Но все, кто меня когда-нибудь видел, поймут, что это откровенная ложь. С моей комплекцией древесного палочника и ростом не очень крупного пса, вставшего на задние лапы, рассчитывать приходилось скорее на тяжелые двери и видеофон. К счастью, требовалась от меня не физическая сила или, не дай бог, ловкость и проворство, а наличие слуха (обычного, не музыкального), умение иногда отвечать на телефонные звонки, пользоваться компьютером и в целом нажимать на кнопки. Ну и самое сложное – приходилось прибегать к арифметике. Аж целых шесть раз за смену.

Собственно, нужен ночной диджей именно для этих шести раз. Волшебное время, когда в эфир выходит... реклама. Если коротко, требовалось перекрыть федеральное вещание местной рекламой и потом снова вернуться на федеральное вещание, подсчитав всё так, чтоб получилось незаметно и красиво. И так шесть раз: четыре раза ночью, два – утром.

– Смотри, тут всё просто, – объяснял мне Степа. – В колонках у тебя играет Москва. Федеральное вещание. На всю страну. Сечешь, да? В наушниках будем играть мы, твое вещание. Ну когда ты его включишь. Пока понятно, да? Ты ки-

вай хоть, чтоб я понимал, что ты не умер. Твоё вещание – это реклама. Она вот тут появится сама. Когда услышишь ДТМФ-сигнал, запускаешь её. Слушаешь Москву в наушниках, в колонках – нас. Улавливаешь, да? Ждешь, пока в Москве реклама кончится и начнется песня. По плей-листу смотришь, сколько она длится. Смотришь, сколько твоя реклама продлится. Считаешь разницу. Добиваешь её песней. У тебя доигрывает одновременно с Москвой, и выходишь на федеральное вещание. Если нет подходящей песни, ставишь джингл или тортиаду. Ясно?

Ясно ничего не было. Я мало что просек, уловил и того меньше, а понял только отдельные слова. Усугубляло ситуацию то, что Степа постоянно тыкал какие-то кнопки на пульте и клавиатуре компьютера, приговаривая: «Вот так нас включаем, так Москву, так выводим, вот фишку выдвигаем. Вот так включаем, чтоб в наушниках играло».

В голове у меня кричали чайки и слышался шум прибора.
– Всё понятно, – ответил я.

Потом решил, что мою дерзкую ложь надо завуалировать, и, с трудом припомнив последние Степины слова, добавил:

– А что такое джингл и тортекада?

– Тортиада, – поправил меня Степа, – я не рассказал разве? Ну это такая короткая нарезка из песен. А джингл – это когда название радиостанции как-нибудь пропевают там или что-то такое. Чтоб слушатель не забыл, какое радио слушает. Понял, да? Еще вопросы?

Я поднапрягся и спросил:

– Что такое КЛМН-сигнал?

– ДТМФ-сигнал, – поправил меня Степа, – ну это такой сигнал в Московском эфире, чтоб регионы выпускали свою рекламу. Такой вот: «Ти-ти-ти-тии». Сейчас включу.

Степа включил. Я слушал ДТМФ-сигнал и думал, что надо будет потом кого-то попросить еще раз всё объяснить и попутно начертить схему, какие кнопки когда нажимать. Тогда я, помнится, всерьез решил, что это будет основной трудностью в работе. Даже после того, как поговорил со сменщицей Марией, что еще раз свидетельствует о том, что я ни черта не разбираюсь в людях и не могу понять, когда мне врут или недоговаривают.

Всё моё внимание заняло странное требование, называть её именно Марией, а не Машей или, упаси бог, Машкой, потому что, цитирую: «Машка в колхозе на лугу пасется и лепехи на ходу откидывает». Конец цитаты. Еще любопытным было то, что Мария люто ненавидела музыку, которую крутили на радио, и в студии обычно слушала свой плеер. «Я эту херню всю не люблю, – мечтательно заявляла она, – я классику люблю. Бетховен там, Брамс, Лист, этот... Моцарт. И малышу тоже классику включаю. Сделаю погромче и прям наушники к пузу прикладываю. Ему нра-вится». Она нежно гладила пугающе большой живот. При взгляде на него сразу хотелось броситься искать таз, горячую воду и чистые простыни, и это несмотря на то, что до декрета Марии остава-

лось еще порядочно.

Мы не особенно много общались, так как за время моей стажировки виделись редко. Ночники работают два через два. Я обычно приходил на смену к Степе, который был временным ночником, пока ищут постоянного. То есть меня. Степа отрабатывал вечернюю смену и оставался на ночь. Я приходил в конце вечерней смены, мы выпускали вместе рекламу, я тупил, писал себе инструкции, как победить эту чертову машину – диджейский пульт, затем мы напивались как последние сукины дети, по очереди ходили за добавкой в круглосуточный неподалеку и напивались совсем уж как законченные бездари. Степа засыпал мертвецким сном на диване в курилке на входе, а я вместо него ехал домой на такси за счет конторы. Когда Степа пил в меру и был способен думать о будущем, он сдвигал стулья прямо в студии и спал рядом с пультом. Так он мог выпускать утреннюю рекламу, особенно даже не просыпаясь.

Понятно, что приходиться стажироваться к другим диджеям, которых сменяла Мария, резона было маловато. Час в маршрутке на работу, два часа на работе, потом домой, возможно, своим ходом. И никакой моральной компенсации в виде алкогольного угара. Один пить не будешь, а людям, которым завтра на учебу или опять же на работу, этот алкогольный угар вообще не сдался. Поэтому с моей будущей коллегой мы не особо пересекались, и, прежде чем полноценно выйти в смены, я как-то не успел расспросить её по-

подробнее, что и как.

В итоге наш чуть ли не единственный разговор о работе свелся к следующему:

– Ну как тут вообще по ночам, спокойно? – спросил я.

– Эмм. Ну да, тут двери же бронированные. Видеофон есть... Если что, не открывай просто и всё. Только не забывай на лестницу еще дверь проверять. Спать в новостной лучше. Там диван раскладывается – удобнее. Ну и дверь на ключик закрывается.

Тут бы мне насторожиться. Кроме меня по ночам на радио никого, двери все и так закрыты. Они бронированные, без дураков, бронированные – режимный объект все-таки. Зачем тогда закрывать на ключ еще одну дверь, которая разделяет с такими важными помещениями как санузел и студия? Но я только кивал, угукал и мечтал, как буду зачесывать девочкам, что работаю на радио и как стану устраивать им ночные экскурсии: «Мы поднимаемся на лифте, и перед нами сразу же большая тяжелая дверь. Но вы не удивляйтесь. Всё-таки это режимный объект, хоть и верхний технический этаж в обычном доме. Сейчас я открою... заходите. Поворачиваем направо. Еще раз направо – вход в новостную, чуть дальше – выход на крышу. А если вернуться назад и пройти чуть дальше, мы попадем прямо в студию».

Сменщица продолжала:

– Ночью магнитофон себе в новостную приноси и радио включай, чтоб слышать, что всё нормально работает. Ну чтоб

лишний раз из новостной не выходить, – Мария осеклась. – Ну в смысле, чтоб в студию не таскаться каждый раз. Замучаешься бегать.

А здесь стоило бы мне спросить, с какого бы мне не хотеть лишний раз выйти из новостной, но я продолжал составлять туристический проспект по радио:

«Вот что интересно, если бы мы сразу свернули налево, а не направо, в итоге все равно подошли бы к выходу на крышу, потом к новостной, а потом и к студии. Дело в том, что географически центром радио является шахта лифта. Её окружает коридор с множеством ответвлений-помещений. Половина из них собственность радиостанции, половина – вообще не пойми что. Вентиляционные вытяжки с огромными ракушкоподобными трубами, комнатухи с аппаратурой сотовых операторов и Интернет-провайдеров, просто какие-то заколоченные двери. Да-да, там страшновато, но вы не бойтесь. Пройдемте лучше на крышу, там чудесный вид. Весь город как на ладони. Осторожно, тут порог, позвольте я поддержу вас, обняв за талию».

– Так что вот так, – закончила Мария. – Еще телефон городской с собой бери тоже. Могут лифтеры звонить. Если какой-нибудь дебил ночью в лифте застрянет, надо будет им открыть и пропустить в лифтовую. Вот и всё вроде.

«Вот и всё. Предметы девичьего гардероба вопреки всем правилам и инструкциям свисают со стойки микрофона и монитора эфирного компьютера, на столе влажные отпе-

чатки ладоней, фишки на пульте сдвинуты случайными порывистыми движениями совершенно недопустимым образом. Кто знает, что услышали жители нашего Мухосранска на фоне привычной розовой попсы? Микрофон тоже мог включиться случайным порывистым движением, так ведь?»

– Но вы не волнуйтесь... Кто сознается, что ему по радио мерещится такое? – пробубнил я вслух, забывшись.

– Чего? – Мария настороженно на меня косилась.

– Я говорю, скорее бы стажировка закончилась, не терпится начать.

Первые мои смены прошли вполне себе спокойно. Рекламу я выпускал неожиданно легко и относительно качественно, потом всё делал, как сказала Мария. Приносил в новостную магнитофон из студии, включал тихо-тихо, чтоб не мешало спать, радио и приступал к своим непосильным обязанностям. Раскладывал диван, включал телек и начинал дремать, в пол уха слушая эфир на магнитофоне. С этого дня все мои забавные истории про трудовые будни начиналась со слов «лежу я, значит, работаю...»

Не все, конечно, было так уж забавно. Один подъезд дома, где располагалось радио, чего стоил. Выщербленная плитка на полу, имбецильные надписи на стенах, обоссанные углы, сорванные почтовые ящики, разбитые лампочки, пустые бутылки, бычки и, конечно, шприцы. Все время кажется, что в темноте сидят гопники и поджидают жертву.

Степа рассказывал, что иногда на радио приходили да-

вать интервью какие-нибудь звезды. Временами – заграничные. Музыканты из группы «///@», заслуженные старички, неспешно едущие с турами по странам третьего мира, зашли в этот подъезд и только и сказали: «Real underground...»

– Представляешь, – повествовал Степа красивым радийным голосом, – Двадцать пять лет с концертами ездили по всему миру, уж, наверно, всякого навидались. А к нам на радио зашли и ох..ли в первые восемь секунд!

Потом Степа громко ржал и добавлял перчику своему рассказу историей про визит на радио губернатора.

– Ясное дело, тут ремонт сразу в подъезде сделали. Дерьмо всё выгребли, стены покрасили, потолок побелили, лампочки вкрутили. Так один хер, Петрович до этажа нашего доехал, и лифт застрял! Делегация стоит его встречает, кофеек разогрели, пыль везде вытерли, и тут двери открываются, а он у них на уровне члена стоит, снизу вверх смотрит!

Степа снова громко ржал. Любил он эту байку.

А ремонт в подъезде четыре дня продержался. Сначала кто-то бросил пустую бутылку в дальний угол, потом разбили лампочку, а потом быстро и незаметно всё вернулось в обычное состояние.

Однако всё это оказалось мелочами по сравнению с тем, что начало твориться во время моих смен.

Глава 3

Шла очередная смена. Я, как обычно, «лежал работал» в новостной. Магнитофон тихо бухтел, телевизор показывал какое-то чудовищное ночное шоу. Полудрема начинала плавно переходить в глубокий сон, когда я вдруг явственно услышал, что в окно кто-то скребется. Это на пятнадцатом-то этаже. Я сел на диван, опустил ноги на пол и стал прислушиваться.

Звук повторился. Чтоб меня! В темноте телевизор слепил глаза, толком ничего видно не было. Я поднялся и решительно пошел к окну. Вообще-то я хоть и не верю во всякую сверхъестественную фигню, но не сказать, что чувствую себя спокойно, когда ночью один в незнакомом месте. Да даже и в знакомом. В общем, когда меня что-то беспокоит, я иду туда, откуда беспокоит, вижу, что там ничего нет и расслабляюсь. Точно так же я поступил и в этот раз.

Я уже почти подошел к окну и уже начал различать силуэт дома напротив, как вдруг снаружи подул ветер и что-то тонкое и черное с шорохом проползло по стеклу. Я остановился как вкопанный и через секунду обнаружил, что у меня даже пальцы ног поджаты от страха. Ветер подул снова, и нечто черное и тонкое с таким же шорохом проползло обратно.

Вот же... Провод! Какой-то идиотский провод, болтающийся снаружи. Неужели Мария спокойно спит под такое

звуковое сопровождение?

– Завтра залезу наверх к передатчикам и закреплю этот долбаный провод.

Но в ту ночь не судьба была мне спокойно уснуть. Чуть позже ветер усилился, и к однообразному звуку из-за окна прибавился ужасный металлический грохот из коридора. Я сразу догадался, что это долбит железная дверь, ведущая на крышу, и оказался прав. Попытался закрыть её – не помогло. Дверь закрывалась неплотно, и вместо одного оглушительного удара в пять минут я стал слышать удары потише каждые тридцать секунд.

Полагаю, со стороны я выглядел смешно, когда стоял в коридоре на корячках и канцелярским ножом разрезал чью-то стиральную резинку, а потом запихивал куски от неё под железную дверь. Из одежды на мне были только трусы и футболка, а на ногах – плюшевые тапочки. К тому же, поскольку дело уже близилось к утру, я начинал засыпать прямо там, на месте, не меняя позы. Несколько раз приходил в себя от того, что утыкался лбом в твердый пол или начинал заваливаться вбок. И, могу поклясться, что мне успевали присниться какие-то яркие и тревожные сны.

Результат, правда, того стоил: тишины я добился.

«Наконец-то, твою мать,» – подумал я и, уже закрывая глаза и отрубаясь, направился к дивану. Несколько шагов, поворачиваю к новостной, иду дальше по коридору. Поворачиваю опять и опять иду дальше. Так, секунду, дверь

должна была быть сразу за первым поворотом... Наверное, спросонья пошел не в ту сторону. Поворачиваю и иду назад. Поворот, еще поворот, еще поворот. Здесь должна была быть железная дверь, с которой я только что возился. Но её нет. Только сплошная стена, покрашенная желтой краской, и впереди еще поворот. В ногах почувствовалась слабость, я похолодел. Я дошел до поворота, за ним – все тот же желтый коридор с теми же тусклыми светильниками в подвесном потолке, и оканчивается он таким же поворотом. Я ускорил шаг: поворот – опять коридор, опять нет дверей. Повернул назад – то же самое. Снова повернул назад – то же самое. Я начал паниковать и перешел на бег, но это не помогло.

Да что за херня! – ругнулся я вслух и всерьез испугался того, что услышал. Я натурально фонил: как если бы принес в студию радио, начал говорить что-то в эфир и тут же повторно услышал себя из колонок. Только вот для этого надо было находиться в студии и говорить в микрофон, а я стоял посреди пустого коридора.

В голове стучала единственная мысль: «Сплю. Сплю. Я просто сплю и ничего больше. Такого не бывает. Просто сплю».

Я сел на корточки, обхватил голову руками и зажмурился. «Шахта лифта квадратная. Коридор идет строго вокруг шахты. Значит, в нем четыре поворота. Ровно четыре. Я пробежал поворотов двенадцать в одну и в другую сторону и не увидел выхода ни в студию, ни на лестницу, ни в новост-

ную, ни на крышу. Сплю. Я просто сплю».

– Просто сплю, – прошептал я и тут же, повторно услышав фоном свой голос, зажмурился крепче.

Я повторял это «просто сплю» как мантру, хотя физически чувствовал, как у меня шевелятся волосы на голове. Раньше я думал, что это только образное выражение, оказалось, что нет. Так же, как и выражение «прошиб холодный пот». А прошиб он меня, когда я услышал у самого моего уха угрожающий шепот:

– Верни все как было! Что ж ты делаешь?

Я вскрикнул, дернулся и открыл глаза.

Надо мной стоял Степа и, улыбаясь, дружески пинал ногой в бок.

– Ты чё тут делаешь? Перебрал что ли? До новостной не дотянул?

Я сидел на корточках, забившись за диван, который стоял напротив выхода из лифтов. Это был просто сон. Господи, какое облегчение.

– Ну ты совсем охренел, конечно, – говорил Степа, заходя в студию. – А если бы это не я был? Настучали бы на тебя, как пить дать, настучали.

Я поднялся и на ватных ногах пошел в новостную одеваться и собирать свой диван.

Ну и ночка, – думал я, – приснится же такая херня. Вроде и выпил-то чуть-чуть совсем, бутылки четыре пива всего...

Глава 4

При свете дня ночные кошмары кажутся бесконечно абсурдными. Ну да, конечно, я перебрал. Видно, во мне накопилось столько бухла, что эти несчастные четыре бутылки добились промаринованный алкоголем организм. В результате, последнее нормальное воспоминание – как я засыпаю в неприличной позе у выхода на крышу. Дальше отвратительный, прилипчивый полусон-полубред, от которого получилось очнуться только к утру. И где-то в промежутке автопилот довел меня до дивана, хоть и не до того, до которого надо было. Ну и с посадкой он тоже плохо справился, честно говоря.

Я твердо решил завязать с алкоголем хотя бы на недельку. А то так и до «белочки» недалеко. Последнее, что я сделал в то утро – взял скотч, вылез на крышу, отыскал паскудный провод, с которого всё началось, и как следует примотал его к какой-то арматурине, торчавшей из стены.

Ну а потом я занимался самыми обычными делами. Немного отоспался на парах в институте, побеседовал с девочками в читальном зале, сходил в тренажерный зал, дома поиграл на компе. События последней ночи на фоне этой бытовухи как-то совсем забылись.

Только ближе к вечеру где-то на краешке сознания появилось едва заметное тревожное ощущение. К моменту, когда

я опять остался один на радио, оно оформилось в четко различимое плохое предчувствие.

Вдобавок погода портилась, назревал дождь и, если верить прогнозу, гроза. Для ночного диджея гроза – это всегда геморрой. Для ночного диджея после такой ночи, как у меня, – геморрой в острой стадии.

И, как будто всего этого было мало, к моей обычной обязанности выпускать рекламу, добавилась обязанность отдельно выпускать промо ролики нового супер-мега-хита. Принадлежал он группе «Гламурные королевы» и, судя по 8 секундам припева, содержащимся в промо-ролике, был ну просто отчаянным дерьмом.

«Дари мне золото, мальчик,

Уа-а, Уа-а!

Дари брильянты, мальчик,

Уа-а, уа-а!

Может, дам...

Поцеловать себе пальчик

Уа-а, уа-а...»

Я сбрасывал эту молекулярно опасную мозгоразжижающую бомбу в эфир и начинал понимать, как устроен мир. Берете любой кусок чего угодно, ежедневно, по восемь раз в день, в течение двух-трех недель громко орете на всех углах, что это не то, что всем показалось, а супер мега-хит. После этого, с еще большей частотой, это «что угодно» должно сыпаться на несчастных людишек отовсюду: выпадать

из окон домов, рикошетить от прилавков магазинов, вылетать из-под колес автомобилей, брызгать из утюгов вместе с паром, проступать на ручках дверей и витринах магазинов, шлепаться прямо с неба вместо осадков. И тогда, рано или поздно, случится оно, великое медиа-чудо: постепенно люди обнаружат, что им нужен этот мега-хит. Нужен больше, чем зарплата и даже больше, чем пельмени с майонезом. И они возжелают его! И будут требовать его, еще и еще. И, конечно, получают еще. А рейтинги метателей мега-хитов в людишек будут расти, реклама стоять дороже, бабло потечет рекой! И все будут счастливы!

Как я так быстро всех раскусил? Эфир радио «Мечта» наполовину состоял из отборных супер-мега-хитов. И у каждого была такая вот биография – нетрудно выявить закономерность.

Стоило мне закончить мучать радиослушателей рекламой и, в надежде отоспаться как следует, уйти в новостную, разобрать там диван, раздеться и улечься поудобнее, погода окончательно испортилась. За окнами почернело, огни города пропали за стеной дождя. Подул неправдоподобно сильный ветер, какой бывает только на крышах высоток. Стало казаться, что здание раскачивается. Тут же прямо из стеклопакетов начала хлестать вода.

Ночка будет, что надо... Для начала понадобятся ведро и тряпка, которые хранятся в сортире, иначе таким темпом через десять минут воды в помещении будет по щиколотку.

Не одеваясь, а только надев тапочки, я подошел к двери, ведущей в коридор, взялся за ручку, опустил её и застыл. Открывать дверь я не спешил. Внезапно я понял: всё, что произошло прошлой ночью, никакой не сон, и вот прямо сейчас может повториться снова.

– Да что со мной? Взрослый мужик же...

Сделав несколько глубоких вдохов, я толкнул дверь и вышел в коридор. Всё нормально, всё как обычно, туалет на месте. Что за ерунду я тут себе вообще придумал? Беру, что мне нужно, преспокойно возвращаюсь в новостную и начинаю собирать тряпкой воду, натекашую из щелей в окнах. Это помогает ненадолго отвлечься.

А потом сверкнула молния, и еще через несколько секунд на крышу обрушился гром. Если бы я сидел дома в уютной квартирке, накрывшись пледом и потягивая чаек, всё это показалось бы небольшой метеорологической отрыжкой. Но тогда, я как будто плыл в дырявой лодке посреди грозового океана. До самого горизонта – бушующие молнии и громы. Валуны туч перекатываются за бортом, грохоча и сталкиваясь. Величественное и страшное зрелище.

И даже это было бы терпимо, но магнитофон, успешно бухтящий ночной эфир, внезапно затрещал и захрипел так, что начало зубы сводить. Кошмар любого ночника: ветер треплет антенны и передатчики, и сигнал пропадает. Кошмар, потому что надо отключать московское вещание, которое потонуло в море непогоды, и переключаться на собствен-

ное. А это значит, никакого сна. Вручную запускаешь песни, следишь, чтоб не было тишины в эфире, и караулишь, пока вернется московское вещание. И это вместо безмятежного, чудесного сна. Что может быть хуже?

Уже не мешкая, я отправился в студию, но, сделав только несколько шагов по коридору, услышал совершенно ужасающий скрежет снаружи с крыши. Наверное, Титаник издавал такой звук, когда сталкивался с айсбергом.

Это был тот самый случай, когда я шел смотреть туда, откуда страшно, чтоб убедиться, что там ничего особенного нет.

Интересно, как все сложилось бы, не пойдя я туда. Но я пошел, и решительным жестом открыл дверь. Тут же в лицо хлестанул дождь, а через миг, когда я открыл глаза, увидел посреди крыши черный силуэт, появляющийся в свете молний. Ногами он уперся в мачту одной из антенн, а руками тянул на себя самую антенну. Антенна, а вместе с ней и толстенная металлическая мачта с диким скрежетом медленно, но верно сгибались.

Я закричал. Нет, завизжал. Нечто среднее между «А-а-а!» и «Ы-ы-ы!» Даже не знал, что так умею, как будто кто-то другой визжал через мой рот. Вернее, визжала, потому что визг был девчачий.

Не знаю, что меня добило, то ли в целом безумие ситуации, то ли то, что на крыше непонятно как, оказался кто-то кроме меня, то ли то, что я не взялся бы с уверенностью

сказать, что это человек. Это был именно силуэт. Молнии не освещали лица, одежды, обуви, ничего – только черный силуэт. Он поглощал свет или что-то вроде того. По нему постоянно шла какая-то рябь, похожая на волны, контуры его постоянно плыли. Будто отражение поднялось из воды.

Мой визг привлек внимание этого... не знаю, кого. В общем, я потерял контроль. Полностью. От ужаса я не мог пошевелиться и только верещал как первокурсница, наткнувшаяся посреди темной аллеи на извращенца-онаниста.

А он, этот черный силуэт, повернул голову ко мне, отцепился от антенны, ловко и пружинисто спрыгнул на крышу. И потом – я никогда этого не забуду – неестественно быстро пошел на меня. Дождь проходил сквозь него, шаги не поднимали брызг в образовавшейся под ногами луже. Обвинительным жестом он нацелил в меня указательный палец и, несмотря на то, что рта у него не было, оглушительно громко и невероятно злобно заорал:

– Дам поцеловать себя в пальчик?! Да вы совсем ох..?!

Крик потонул в раскате грома. Голос, которым он это сказал, точнее проорал, я тоже никогда не забуду, но с трудом смогу его описать. Он был мужской, это точно, звучал так, как будто исходил из динамика, который вот-вот заискрится от перегрузки, потому что громкость выкручена на полную.

Совладать с собой я не смог. Может, надо было сразу броситься наутек, или достать нательный крестик и начать читать «Отче наш», не знаю. Как бы то ни было, вместо этого я стал неуклюже пятиться назад, тут же зацепился ногой за порог и упал.

Следующее, что я помню, как кто-то теребит меня за пле-

чо и спрашивает:

– Петя-а? Ты живой? Что случилось? Пе-еть?

Глава 5

Голос принадлежал Свете, еще одному диджею. Как обычно, она, заткнув носик, зашла в подъезд, поднялась на лифте на наш верхний этаж, открыла своим ключом дверь и направилась в студию. Всё было как обычно, но краем глаза она заметила у выхода на крышу какую-то черно-розовую кучу. При ближайшем рассмотрении кучей оказался я.

В черной футболке и в трусах, мокрых, будем надеяться, от дождя, я, пузом кверху, лежал на полу. Один тапочек на ноге, второй – отлетел в сторону. Глаза закрыты, дыхание слабое.

Света ойкнула и поспешила на помощь. Сначала она решила, что нас ограбили. Но потом, увидев новостную и крышу, залитую водой, антенну, погнутую штормовым ветром, и мою ногу, зацепившуюся за порожек, она решила, что меня снесло ветром или я испугался грома и неудачно упал, или еще что. В общем, я оступился, упал, ударился затылком о кафель и всю ночь пролежал без сознания. И всё это, только лишь пытаюсь закрыть дверь.

Глава 6

А ведь я имел виды на Свету. Хотя, точнее будет сказать, робкие надежды: уж очень она была хороша, не чета мне. Сначала меня это не останавливало, конечно, но теперь, когда в её глазах я превратился в расслабившегося на полу ушлепка в трусах и плюшевых тапочках, шансов стало плачевно мало.

И почему меня заботило именно это? Не чертовщина прошлых ночей, а облом со Светой? За последние двое суток я дважды отключался. Хотя и по разным причинам. Воспоминания у меня такие, будто я в романе Стивена Кинга побывал. То ли это мне все привиделось: первый раз – по пьяни, второй – от удара затылком об пол, то ли тут какая-то хренова сумеречная зона.

Для того, чтобы разобраться в себе, а заодно проверить, не слишком ли сильно помял мозги, я отправился в травмпункт. Там у меня было достаточно времени для раздумий, пока я полтора часа сидел в очереди. Света, это, конечно, хорошо, и все остальные, кто мог бы заглянуть ко мне в гости – тоже. Стабильная зарплата, хоть и небольшая – неплохо. Но еще пару таких ночей, и все эти удивительные блага мне будут уже не нужны.

Я пытался как-то отвлечься. Разглядывал медсестер и врачей, курсирующих по коридору. Удивительно, как медработ-

ники умеют передвигаться по своим учреждениям и не смотреть на пациентов, которые как саранча облепливают всё, что только можно. Казалось бы, просто механически взгляд должен падать на кого-то из них, но нет. Видимо, годы практики дают о себе знать. Стоит на секунду потерять бдительность, и к тебе уже подходят «только спросить», кланчат справочку или что-то подобное.

Одним словом, врачей можно понять. Пациенты постоянно жалуются, чего-то требуют, скандалят в очередях, шумят, всё это надо терпеть, и зарплата при этом... А пациенты в травмпунктах, это, наверное, вообще сущий ад. Вдобавок к перечисленному, у них еще и может быть лампочка во рту. Или еще, что похуже и где похуже. Хотя за всё время, что я торчал в очереди, таких не было. Очередь, собственно, образовалась, потому что все ждали врача, и состояла она из меня, хромающего парня, деда на костылях и маленького бойкого мужичка со сломанным пальцем.

Мужичок о чем-то говорили то с дедом, то с парнем и, в результате, плавно начал рассказывать, как служил в Афгане.

– А один раз снайпера загнали на башню какую-то. Как там она у них называется... не помню. И никак выбить не можем его оттуда, падлу. Подохнуть-то никому не охота, лезть на него. Он и так наших положил человек пять. Ну мы танк подогнали и как... – мужик шепотом матюгнулся и залился радужным детским смехом.

– И вот представьте, – продолжал он, – башню разнесло, и он вниз упал! И живой остался! Кстати, это баба оказалась. Мы её, суку, потом за ноги к танку привязали, а за руки к БТ-Ру! И пополам её...!

Мужик опять шепотом поматерился и захохотал.

– Боже ты мой, – думал я, – на каком круге ада такое могло происходить?

Внезапно мне стало стыдно. Вот где действительно страшно, так это в такой мясорубке. И то ничего – мужик ведь как-то её пережил. Видно, конечно, что даром ему это не прошло, но все же... Вот он, живой и относительно здоровый. Я, между прочим, все школьные годы мечтал о героической службе в каком-нибудь супер-спецназе. Мечтал до тех пор, пока не столкнулся с суровой реальностью и военкоматом, но это, как говорится, другая история.

Теперь мне немного неприятно смотреть военные парады по телевизору: они мне напоминают, кем я хотел стать, и заставляют осознавать, каким ничтожным, лишенным героизма потребителем порнухи стал. Только посмотрите: серьезно собрался бросить работу из-за того, что мне там по ночам страшно.

Пятиминутку самокопания прервал доктор, решивший-таки заскочить на приём. Веселый мужик пошел первым. Минут через пятнадцать он вышел из кабинета врача, похвастался забинтованным пальцем и навсегда удалился из моей жизни.

Как водится, я к врачу попал последним. Тот выслушал мою историю – упал, ударился затылком, потерял сознание – спросил, тошнит ли меня, кружится ли голова, есть ли провалы в памяти. На все вопросы я ответил «нет». В последний момент я решил, что, если сейчас расскажу все подробности, придется сходить к другому доктору. Может, даже в сопровождении двух санитаров.

Дырки в голове не нашли – и то хорошо. На два вопроса травматолога из трех – два честных ответа «нет». Это неплохой показатель, так ведь? Можно считать, что я практически здоров.

Последнее я и сказал директору радио, позвонившему вечером уточнить, не сдох ли я, часом, по пути в больницу. На вопрос, выйду ли через два дня в следующую смену, я ответил, что посмотрю, как будет самочувствие, и завтра утром сообщу. Решительное «в жопу такую работу» переставало быть таким уж решительным.

Всё этот мужик из очереди, совсем меня из колеи выбил. А еще... Наташа.

На следующий день я, неважно зачем, заскочил в институт и встретил её у буфета. Пары уже закончились, но она успела купить себе кофеек с шоколадкой и устроиться за столиком у окна. Так, чтобы было видно всех, кто входит и выходит. Наташа явно кого-то ждала.

Я кивнул ей и уже собирался идти дальше по своим делам, но услышал неправдоподобное: «Петя-ааа, а можно те-

бя на секунду?». Шикарная фигура, шикарные ноги, шикарные черные волосы, шикарные черные глаза, шикарное всё. Меня можно было хоть на секунду, хоть на целые сутки.

Наташа славилась своей любовью к приключениям и тягой к разнообразию. Кроме того, она, в некотором роде, могла предсказывать будущее. Будущее офисного планктона или консультанта салона сотовой связи – точно. К таким она моментально теряла интерес. Шансы были у безбашенных хулиганов, байкеров, всяческих экстрималов, музыкантов и, как я скоро узнал, у диджеев с радио.

– Я слышала, ты на радио работаешь?

– Ну да, есть такое дело.

– А что ты там делаешь? Ты диджей?

– Я не просто диджей. Я ночной диджей.

Бонд. Джеймс Бонд...

Наташа облокотилась на стол, и меня начало засасывать в её декольте. Декольте, достойное Нобелевской премии, Оскара, возможно, даже Букера.

– Никогда не была на радио, – завила Наташа.

Глава 7

Утром следующего дня мне позвонила сменщица Мария. Я хотел позвонить ей сам и ненавязчиво уточнить, не забыла ли она, случаем, рассказать что-нибудь важное о работе на радио, но был занят важными делами: мечтал и предвкушал. Две совершенные округлости, украшенные несколькими родинками, лишили меня покоя и здравого смысла. Я забыл обо всём, о чем только можно было забыть. Теперь я уже и не помышлял уволиться с радио, только потому что это какой-то хренов бермудский треугольник, где обитает этот... не знаю кто. Привидение? Или полтергейст? Или это одно и то же? Хотя, какая разница? Всё это мне привиделось, когда я ударился затылком об пол. При-ви-де-лось!

– Алло? Привет, Мария.

– Здравствуй, Петя, – голос Марии был тихий и вкрадчивый, поэтому я сразу понял, что она в бешенстве. – А скажи мне, дружок, ты что, привязал к чему-то провод на крыше?

– Ну да, скотчем примотал... Он по окну стучал, спать мешал.

– Ага. Ну про изобретение с ластиком и железной дверью и так всё понятно, так что не спрашиваю даже.

– Что? – я не понимал, почему, собственно, со мной разговаривают таким тоном и почему кому-то может быть не всё равно, где и что я привязал на крыше пятнадцатипятиэтажного

дома, куда даже голуби не прилетают, чтоб не захандрить.

Выругавшись так, как не должна ругаться ни одна беременная женщина, ни при каких обстоятельствах, Мария потребовала, чтоб я сегодня же сделал всё, как было, и пригрозила расчленёнкой.

Так что вечером я отправился на радио и полез на крышу делать всё, как было. Там меня ждал сюрприз: провод со свисающими с него обрывками скотча уже весело болтался на ветру и стучал по окну. Я крепко задумался и отправился в студию, ждать, пока явится Мария. Сегодня её вторая смена, завтра уже моя. И это будет фееричная смена. Смена, которая откроет череду таким сменам, которых еще не видели эти стены, диваны, столы, пульта, подоконники, ну и где еще мы там с Наташей окажемся. Это будет смена, не омраченная ничем. Поэтому я должен всё выяснить и как следует подготовиться.

Теперь уж точно стало ясно, что всё это запредельное дерьмо – не от избытка алкоголя в крови или травмы головы: появилось второе действующее лицо, которое сможет это подтвердить, надо только заставить его говорить.

Разговор предстоит не из простых. Если неправильно подобрать слова, все меня тут же станут считать придурком, и очень скоро с этой работы я слечу, ведь адекватность, на самом деле, была главным и чуть ли не единственным требованием при трудоустройстве. Ну а если я всё сделаю правильно... что тогда? В глубине души я надеялся, что Мария рас-

скажет, что-то такое, что, с одной стороны, подтвердит мою историю, а с другой – даст ей какое-то рациональное объяснение. И я понятия не имел, что это может быть.

Наконец, она заявила, как обычно, за четыре минуты до рекламы, которую должна была выпустить. Мы поздоровались, и Мария, переваливаясь, как утка, пошла напрямиком в студию.

Я устроился на стульчик рядом со студией и, притворившись, что копаюсь в телефоне, стал за ней подсматривать через стеклянную перегородку. При этом не забыл включить на мобильнике нашу радиостанцию, чтоб еще и подслушивать, как она работает.

Тяжело дыша, Мария обошла стол, загроможденный аппаратурой, не глядя бросила сумку в сторону подоконника и села за пульт. Осмотрелась, убедившись, что гора непонятной электроники, как и положено, переливается всеми цветами радуги, поморщилась. Не из-за того, что мешал живот или где-то что-то опять кольнуло, а из-за того, что играла песня «Сердечко-сладкоежка». Мария торопливым движением выудила из кармана плеер, вставила в уши черные капельки и нажала кнопку «Плей». Отвращение на её лице сменилось буддийским спокойствием. Понятия не имею, как, но она, вообще не слушая эфир, умудрилась выпустить рекламу и вернуться на московское вещание на сто процентов идеально. Это значит, что она должна была наизусть помнить весь репертуар радиостанции. Вплоть до того, что знать,

на какой секунде, в какой песне начинается и заканчивается вокальная партия. Это было сомнительно, потому что Мария старалась эти самые песни вообще не слушать. Но, как ни крути, результат был на лицо.

Когда с рекламой было покончено, она вышла ко мне и спросила:

– Чего пришел?

Я сразу стушевался и начал торопливо мямлить:

– Ну, мы как-то толком не поговорили... Хотел, чтоб ты... может... ну... рассказала что-нибудь еще... как тут что... ну, в смысле, по ночам, когда уйдут все. И про провод этот... он, кстати, уже... просто я не понимаю, зачем, ну, в смысле, кому какая вообще разница...

– Та-ак, – протянула Мария и села на стул напротив. Она смотрела сквозь меня и будто говорила сама с собой, – ну то, что ты в новостной не будешь сидеть, как тебе сказали, – это сразу понятно было...

Я молчал. Если тебе надо что-то выяснить, это самый лучший способ участия в беседе. Кивать можно, охать можно, руками разводить не возбраняется, глаза закатывать допустимо, но фразы длиннее, чем «ну да», произносить нельзя.

И Мария продолжала:

– На крышу вот совсем не надо было выходить. Особенно, в грозу. Я тебе про это не говорила? Ну... все не упомянешь... Хотя это мой косяк... Неудобно вышло.

Неожиданно Мария посмотрела на меня с сочувствием

и спросила: «Чё, напугал он тебя, да?»

Тут меня прорвало. Я рассказал всё в мельчайших подробностях. Если этот разговор дойдет до руководства, прощай работа, прощай стабильная зарплата и, самое главное, прощайте, Наташи, Светы, Ирины и все остальные.

Но, похоже, Мария не то, что не засомневалась в моей адекватности, она даже не удивилась ни одну моему слову. Она мучительно соображала, что делать дальше – массирила виски, хмурилась, сопела и вздыхала.

– Вот скажи, Петь, – начала она, наконец, – ты в домовых веришь?

– Ну, да, – сказал я, хотя вообще-то всю жизнь относился ко всей этой запечной мистике со здоровым юмором.

– Понимаешь, это... ну, домовый такой. Он тут давно очень живет.

– То есть ты его видела? Он настоящий? Охренеть можно... А че не сказала? А если б он меня..? Ты видела, что он с антенной сделал вообще?

– Да тихо ты! Не ори! Ничего бы он тебе не сделал. Пугать только и может! Людей не трогает, не ссы.

– Да он мне башку чуть не отвернул! Охренеть... домовый... И что делать? Надо рассказать всем! Нет, надо башку вызвать, осветить тут всё! Или нет, наоборот, колдуна! Или...

– Так-так-так! Стопэ! – Мария подняла раскрытую ладонь, – не надо никому ничего говорить, и вызывать тоже

никого не надо. Успокойся. Всё будет нормально. Я тут знаешь, сколько проработала? И ничего – жива здорова! А я де-вушка, вообще-то, а ты мужик. Так что не ссы, говорю!

Мария больно ударила меня в плечо. Дружеский жест.

– Слушай сюда! – Скомандовала она, – С домовыми знаешь, что самое главное? Главное, чтоб всё было, как им нравится. То есть, по-старому. Не надо ничего менять, ясно? Провода не надо никакие трогать, например! Тогда их не видно и не слышно! Будешь ходить себе, работать спокойно и всё!

Я хотел спросить, откуда такая осведомленность в оккультных вопросах, но Мария меня прервала:

– Сейчас всё нормально, даже голову не забивай. Выходи завтра спокойно на смену, выпускай рекламу, бухни чутка и ложись спать в новостной. Главное, ничего не трогай больше.

Потом Мария довольно бесцеремонно выпроводила меня с радио, не дав даже вызвать такси. Сказала, что она устала, ей надо расстегнуть ширинку и прилечь, а я мешаю.

По пути к остановке я думал, что всё не так уж и плохо. Проблема вроде как решена, и для этого даже ничего не пришлось делать. Путь к сердцу Наташи, а также вглубь её декольте открыт.

Еще вспомнилось, как я ночевал как-то у друга в деревне. Жил он там в какой-то древней развалюхе, оставшейся от бабки. И перед тем, как мы легли спать, он мне с удоволь-

ствием рассказывал, что решил как-то днем вздремнуть чашок-другой, и во сне кто-то попытался его придушить. Он проснулся в холодном поту от того, что не хватает воздуха, вскочил с постели, но рядом никого не увидел. Повторилась такая история несколько раз. Он, не будь дурак, пожаловался какой-то старухе-соседке, а она сказала, что это пошаливает домовый и надо его задобрить. Посоветовала разбросать по углам мелочь и конфеты, что мой друг и сделал. И помогло ведь. Больше его никто не душил. Да и я переночевал у него спокойно, впрочем, ни одному его слову не поверив. Сейчас бы я эту историю, наверное, по-другому воспринял.

Я уже сел в автобус и был на полпути домой, когда в кармане завибрировал мобильник. Звонила Мария.

– Да, вот еще что забыла, в грозу на крышу не вздумай больше выходить.

– Почему? Домовой рассердится?

– Нет, Петя, – вздохнула Мария, – потому что молнией так ёбнет, что только подошвы останутся.

Глава 8

Весь следующий день я провел в мучительном предвкушении. Аппетит пропал, ноги не слушаются, в животе как будто атомные испытания проходят. Куда ни посмотрю, везде вижу Наташу. С утра, рядом со мной в постели – Наташа, божественно нагая. Днем, в институте, рядом за партой – Наташа, в неприличной мини и кофточке с вырезом. Сидит, положив ногу на ногу, одной рукой подпирает подбородок, а другой под столом незаметно задирает край юбки, игриво демонстрируя божественные бедра. На улице мимо идут одни Наташи, некоторые одеты, некоторые не совсем, некоторые одеты в костюм леди Годивы. Тот, что для конных прогулок. Главное, что все неподражаемы и ослепительны.

В институте я дважды столкнулся с настоящей Наташей и дважды с трудом её распознал. Мы договорились об экскурсии на радио еще тогда, у буфета, но сейчас оба раза даже не вспомнили об этом.

Больше всего на свете мне хотелось наброситься на неё с вопросами:

– Ну что, ну что? Ты помнишь? Все в силе? Ты придешь, да? Придешь ведь, правда? Не забудешь?

Но я, к счастью, уже допер, как играть в эту игру. Поэтому мы перекинулись парой слов и я, приложив нечеловеческие усилия, сделал вид, что у меня, например, ничего экс-

траординарного не происходит и умудрился до последнего даже не заикаться о предстоящей ночной встрече. И только, когда Наташа собралась попрощаться и оскорбленно уйти, спросил, какой напиток она сегодня желает пить.

– На твой вкус, – хмыкнула она и растворилась в толпе других, воображаемых Наташ.

Раньше я был далеко не так мудр и совершенно точно всё испортил бы назойливыми звонками по телефону, излишним энтузиазмом и всякой дурью, вроде прилюдного даренья цветов. Это все, конечно, нужно, но потом. И в малых дозах. Иначе, есть очень большой риск стать обожаемым и горячо любимым другом. Не могу и посчитать, сколько раз это со мной происходило, пока я не поумнел и не осознал всю глубину и справедливость Степиного откровения относительно общения с прекрасным полом:

– Не надо ничего говорить! Ты хватай их просто и...! – дальше Степа жестами показывал, что надо делать с прекрасным полом. Понять я сумел не всё, но там точно было засовывание языка в рот партнерше на глубину где-то полметра, безжалостное, до синяков, ощупывание груди и ягодиц, бросок через бедро и сам акт любви, исполненный то ли мартышкой, то ли кроликом, то ли перфоратором.

Степе, впрочем, легко говорить. Широкоплечий красавец, двух метров росту, страшно громкий и обаятельный – чего ему стесняться? Даже когда мы стояли на автобусной остановке, и он демонстрировал мне эту пугающую пантомиму,

девицы, оказавшиеся неподалеку, смотрели на него совсем не как на придурка. В их глазах ясно читалась одна общая мысль: «Вот бы мне так...»

Когда же девицы оказываются неподалеку от меня... Скажем так, если на меня смотрят хотя бы с малейшим интересом, я оборачиваюсь проверить, нет ли кого у меня за спиной. И обычно там кто-нибудь есть.

Вернее, так было раньше. Теперь же, хоть я и не располагал Степиными данными, а скорее был его противоположностью, меня ждал вечер и, хочется верить, ночь с одной из самых сногшибательных красавиц, которых мне приходилось видеть. А всего-то, надо было немного осадить коней и расслабиться. И поменьше трепаться. Ну и устроиться на радио. Был бы я ей нужен, если бы не превратился из какого-то невнятного Пети, в диджея Петра? И не просто диджея, а ночного диджея. Кто бы еще знал, что это на самом деле значит...

Все эти мысли вперемешку с сексуальными фантазиями, разжижали мне мозги до самого вечера, до того самого момента, как я, уже на радио, пошел встречать Наташу к лифту.

Она была по-прежнему на сто процентов шикарна. Даже еще шикарнее. Она не просто состояла из шикарности, она её излучала и делала всё вокруг немного шикарнее. И вроде бы на ней не вечернее платье, а самые обычные узкие джинсы, белая маечка и легкомысленные кеды, но, чтоб меня, она просто роскошна! Не больше и не меньше. Ну, мо-

жет, больше.

– Привет! Чудесно выглядишь, – сказал я, собрав волю в кулак.

– Привет! Спасибо, – Наташа чмокнула меня в щеку, и воля моя сразу пошатнулась.

– Пойдем, рекламу будем выпускать, – сказал я загадочно и повел гостью в студию.

По пути я помалкивал, не размахивал руками и не говорил: «Вот тут у нас второй лифт, тут новостная, тут сортир, там выход на крышу...» Такую экскурсию любой риэлтор провести может. Наташа не за этим пришла. Я покажу ей Радио, без всякой фигни – такой был у меня план.

Мы зашли в студию. Наташа с любопытством и даже с жадностью осматривалась, будто боялась упустить что-нибудь интересное. Даже самую ничтожно маленькую деталь. Мне страшно понравился этот живой, жаждущий новых впечатлений взгляд.

Я отодвинул стул за пультом и сказал:

– Садись, пожалуйста.

– Ой, сюда? А если я что-нибудь сломаю?

– Да не бойся, я починю. Смотри, это эфирный комп, с него мы вещаем на всю область.

– Ого, – Наташа по-детски восхищалась.

Я стоял рядом с ней, облокотившись на стол.

– Да-а. Это микрофон, вот так его поддвигаешь к себе и говоришь. Вот эта штука с кучей кнопок и крутишек – ди-

джейский пульт. Вот эти огоньки бегают – это уровни, называется. Можно смотреть, насколько громкий у нас сигнал. А это вот фишки. Ими микрофон можно включить или свою песню какую-нибудь. Вот так плавно двигаешь их вверх, и они включаются. Это называется «вывести в эфир».

– Только не двигай, а то нас все услышат! – Наташа округлила глаза и мы засмеялась.

– Так, у нас с тобой пятнадцать минут еще до рекламы, я отойду на минутку. А ты тут не нажимай ничего.

– Не обещаю, – улыбнулась она.

Я помчался за приготовленными заранее алкоголем и бокалами. На полпути я подумал: «А что если он... сейчас объявится? Что тогда? Вдруг меня опять затянет в этот бесконечный коридор?» Но нет, всё нормально. Вот дверь в новостную, через нее прохожу в кухню. А вот я уже возвращаюсь назад. Со мной два бокала в одной руке, бутылка Johny Walker – в другой и пачка яблочного сока под мышкой. Ничего сверхъестественного не происходит, всё хорошо, гоню от себя тревожные предчувствия.

Наташу я застал за изучением многочисленных бумажек, прищипленных на кнопки прямо к стене рядом с диджейским рабочим местом.

– Это что? – она начала читать одну из записок. – Сизый с зоны, Сумасшедшая сука, Наташка-проклинкашка, Игорь-матершинник... И телефоны их, да?

– Это? Хех. Это блэк-лист. В программу по заявкам, ну

где со слушателями в прямом эфире говорят, постоянно всякие придурки звонят, ну сумасшедшие разные. У нас определитель номеров стоит, и ребята записывают самых отможенных, чтоб в эфир их не пускать.

– А что они такого делают в прямом эфире? – Наташа заинтересовалась.

– Да, кто что. Их, наверное, прям плющит, от того, что их весь город слышит. Может, звездами себя чувствуют, не знаю. Я потом найду тебе записи, тут коллекция целая. Наташка-проклинашка, например, бывшего проклинала. Орала: «Чтоб ты сдох!» – и всё такое. Сизый нормальный вполне, только звонит из тюрьмы и передает приветы Мокрому, Гнилому и всей хате 502. На гламурном радио Мечта – самое то, в общем.

Я мысленно благодарил Степу за все те многочисленные байки, которые он постоянно травил. Радийный фольклор пришелся Наташе по вкусу: она явно была довольна и искренне хохотала. Я, конечно, к этим историям никакого отношения не имел, ну, кроме того, что талантливо и забавно их пересказывал. Главное, ей нравилось.

Да я и не утверждал, что самолично слышал, как, например, «сумасшедшая сука» шипела в прямой эфир: «Передаю привет моим друзьям. Я сейчас вижу их в окне, в доме напротив. Они там пляшут. У них в-вечеринка. Тв-вари! С-скоты! Р-решили меня не звать! Ублюдки!». Или как Игорь-матершинник сначала поздравил всех с днем Меди-

ка, а потом вымолвил «медики-педики» и начал занудным голосом перечислять все известные ему матерные ругательства. Диджей при этом искал песню, которую нужно поставить следующей, и монотонный бубнеж почти не слушал. В общем, Игорь успел много чего порассказать слушателям радио «Мечта» прежде, чем его вырубил.

В перерыве между байками мы с Наташей попивали виски и вместе выпускали рекламу. Она сидела за пультом, а я стоял над ней и показывал, куда и когда нажимать, накрывал её руку своей и демонстрировал, как надо плавно двигать фишки, мы вместе выбирали песню, чтоб закрыть рекламный блок и выйти «на Москву». Всё это происходило, что называется, «слегка соприкоснувшись рукавами». Очень волнующе и сначала даже почти невинно. Но скоро градус невинности стал резко падать: с такого ракурса Наташино декольте было еще более соблазнительно, и я, не особо стесняясь, его рассматривал.

Я прекрасно видел сочную грудь до того самого места, где её скрывали чашечки лифчика, а когда Наташа откидывалась на спинку стула, там виднелся верх небольших розовых сосков. Она прекрасно видела, что я прекрасно всё вижу, и, готов спорить, получала от этого кайф.

Дикое волнение во мне боролось с не менее диким желанием. Мы оба знали, зачем Наташа сегодня пришла, но всё же где-то далеко во мне сидел страх, что вот сейчас я попытаюсь поцеловать её, а она отпихнет меня и скажет: «Э-

э-э, полегче! Ты за кого меня принимаешь, Петюня?». Но даже это волнение меня радовало. Благодаря ему, я прямо всеми фибрами чувствовал остроту момента, остроту жизни, чувствовал, что это и есть самый её сок.

Не знаю, как, но я смог дотянуть до последнего выпуска рекламы и не взорваться, а когда с ним было покончено, сказал: «Пойдем, покажу кое-что». Я взял Наташу за руку и повел за собой.

Мы вышли на крышу. Майская ночь сама по себе романтична. На крыше высотки – романтична вдвойне. Привычный серый город – мешанина из домов, дорог, пробок, светофоров, фонарных столбов, автомобильных стоянок, магазинов и прочей обыденной ерунды, превращается в фантастическую морскую рыбину. Ту, которая плавает по дну океана в абсолютной, бескрайней пустоте и каким-то непостижимым образом светится множеством огней. Огни гаснут и загораются, движутся по телу чудесной рыбы. Она настолько громадна, что вы единственные, кто может видеть её целиком, потому что оседлали эту рыбину и плывете вместе с ней, забравшись на самый высокий плавник.

Наташа приблизилась к краю крыши и сказала восхищенно: «Как здорово!»

Я подошел к ней сзади и обнял. Отталкивать меня она явно не собиралась. Волнение утихло, превратилось в приятное предвкушение.

Довольно скоро мы оказались в полутьме новостной,

на диване. У меня была приготовлена свежая белая простыня, но расстелить я её не успел. Что уж там, даже диван разобрать я не успел.

Часа в четыре утра Наташа попросила вызвать ей такси. Остаться, поспать и с утра уехать вместе она с улыбкой отказалась:

– Не хочу встречаться с твоими коллегами. Еще подумают, что мы тут трахались...

Она изо всех сил делала вид, что всё прошло отлично, но мой скромный опыт подсказывал, что Наташа разочарована. Это, конечно, неудивительно: в таких делах нужна практика, а я последний раз был с девушкой примерно пятьсот сорок три года назад. Так что в этом забеге я был спринтером, а не марафонцем. Бил короткими, а не длинными очередями. Нарезал тортик мелкими кусочками, а не здоровыми ломтями.

Уж не знаю, питала ли Наташа какие-то иллюзии на мой счет... Скорее всего, нет. Но второй шанс она мне дала следующим же вечером.

Мы не договаривались о встрече. Я чувствовал, что меня может понести, и поэтому не звонил Наташе и не писал. Начну болтать лишнее, про то, что мы созданы друг для друга, и – пиши пропало. Многократно испытано мной, можно ставить знак качества.

В общем, как можно меньше слов, как можно больше активных и малоадекватных действий. Всё, как учил Степа.

На активные действия я, правда, был не способен, поэтому обошлось и без слов, и без действий. Весь день я проспал, в себя пришел вечером, когда уже снова надо было отправляться на смену. Результат превзошел все ожидания.

Я добрался до радио, выпустил рекламу и собирался идти ложиться работать, когда позвонили в дверь. На экране видефона я увидел улыбающуюся Наташу. В этот раз на ней было короткое черное платье без рукавов, чулки, туфли на шпильках. Из багажа – сумочка в одной руке и бутылка вина – в другой.

Мы поздоровались, поцеловались, я хотел повести её в новостную, но она сказала, что хочет еще раз посидеть в студии. Отправились туда.

Наташа сразу села за диджейский пульт и сказала:

– Открывай скорей вино, пить хочется. Я из клуба сбежала, там духота... Фу-ух...

– Сейчас. Схожу за штопором.

Я спокойным шагом вышел из студии, а когда Наташа перестала меня видеть, бегом ломанулся на кухню. Через восемь секунд я, с бокалами и штопором, вернулся в студию. За это время Наташа успела поднять белый флаг – на стойке микрофона висели шелковые трусики цвета кокосовой мякоти из рекламы Баунти.

Дальше происходило сплошное нарушение инструкций и правил нахождения в студии. Дорогостоящая аппаратура оказалась накрыта черным платьем и начала перегреваться. Стул, на котором нельзя было раскачиваться, раскачивался, жалобно скрипел и царапал ножками линолеум. Открытая бутылка упала и каталась по краю стола, вино, вытекающее из горлышка, образовало бордовую лужицу прямо рядом с пультом.

– Петя-а...

– А?

– Включи...

– Что? Что включить?

– Микрофон... Хочу... хочу, чтоб слы... слышали...

Ну же... давай...

Немного поколебавшись, я врубил микрофон и выдвинул фишку на полную. И пусть меня потом уволят, оштрафуют, хоть в окно выкинут...

Правила нахождения в студии окончательно полетели к черту.

Встрепенулся одинокий таксист, дремлющий под бубнеж автомагнитолы в машине. Продавщица в круглосуточном перестала грызть семечки и с недоверием посмотрела на старенький приемник. Синяки на кухне замерли с наполненными стопками в руках, чтобы прислушаться к магнитофону, играющему на какой-то случайно пойманной волне. Молодой лейтенант в отделении полиции сделал радио потише после того, как, на радость подросткам в обезьяннике, поперхнулся и облился чаем из термоса.

Глава 9

А на следующий день произошла катастрофа. Я ждал, что за «нарушение правил нахождения в студии» меня выгонят. Вероятно, с позором, и, вероятно, сохранят запись эфира, когда это самое нарушение происходило, а потом еще будут передавать её из поколения в поколение. Наверняка, придумают сопроводительную байку и будут со смехом пересказывать друг другу. Всё это меня волновало, но не очень. Неприятные разговоры с начальством и с бывшими коллегами – вот что гораздо хуже. Выяснение отношений, повышенные тона, нервозность, косые взгляды. После такого я всегда плохо сплю – ночами напролет мысленно перемалываю самые отвратительные моменты, придумываю достойные ответы на оскорбительные фразочки. Снова и снова, ночь за ночью.

Но ничего такого не произошло. Сколько бы людей ни слушало радио Мечта прошлой ночью, среди них не было никого из моего начальства или хотя бы коллег. Никто не собирался меня увольнять, штрафовать или хотя бы ругать.

Это было бы похоже на ливень посреди летнего дня. Немного досадно, но не больше того. Вместо ливня на меня налетел разрушительный торнадо, поднял в воздух, вытряс все кишки, а потом хлопнул как следует о землю.

«Спасибо за всё, прости, но ничего не выйдет. Давай оста-

немся друзьями».

Приговор пришел smsкой. Она даже не позвонила. Никаких объяснений, никаких прений сторон, никакой апелляции, никакой надежды, ничего. Единственное, что может быть хуже, чем сказать «давай останемся друзьями» – это написать «давай останемся друзьями» SMS-кой.

Я звонил ей, писал ответные SMS-ки – все без толку. Ходить по комнате кругами не помогало, перечитывать сообщение – тоже. Можно было бы пойти к Наташе домой... Но я понятия не имел, где она живет. Можно пойти в институт и найти её там, но сегодня выходной, институт закрыт.

Набрав номер Наташи раз пятнадцать и послушав длинные гудки, я осознал всю тщетность своих попыток. Даже если я дозвонюсь до неё или смогу встретиться лично, какая разница? Всё уже решено. Я что, буду ползать на коленях и умолять её передумать? Конечно, это я могу, но результат будет нулевой.

Надо было что-то делать. Что-то другое. И я позвонил Степе. Так я и очутился в той тошниловке со злым барменом, который не понимал Степиного юмора и не ценил его искусства говорить тосты. Там мы со Степой неслабо накидались, так что остаток вечера прошел вполне терпимо – в бреду.

Тоске и грусти можно было бы посвятить следующий день, но его пришлось потратить на борьбу с похмельем. Головная боль и тошнота полностью поглотили всё моё внимание. В такие периоды я жалею только об одном: что не умею

похмеляться. Один раз попробовал – чуть не выблевал свою бессмертную душу. С тех пор приходится искать альтернативные способы выживания – пить сладкий чай, соленый рассол, минералку, колу, есть мятные конфетки. Всё это, разумеется, абсолютно бесполезно. Надо смиренно дожидаться, пока похмелье закончится само, другого пути не существует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.